

М. С. Белоусов

ИСПАНСКАЯ «ПОДСКАЗКА» ДЛЯ ДЕКАБРИСТА (ПУТЕШЕСТВИЕ С. П. ТРУБЕЦКОГО В ПАРИЖ)

Статья посвящена знакомству С. П. Трубецкого с французской общественно-политической жизнью и восстанием Риго 1820 г. в ходе его путешествия в Париж. Показано влияние этих событий на складывание политического мировоззрения С. П. Трубецкого и подготовку восстания 14 декабря 1825 г. Начало разработки Конституции Н. М. Муравьевым и план ее использования указывают, что постепенно в идеологии декабристов стала оформляться идея о восстании, сценарий которого схож с развитием *pronunciamiento* Р. Риго. В 1825 г. в ходе междоусобия С. П. Трубецкой предложит план, который воспроизводит основные элементы испанского мятежа 1820 г. Таким образом, можно сделать вывод о том, что испанские события стали «подсказкой» для декабристов — сценария реализации их политической программы. Библиогр. 29 назв.

Ключевые слова: декабристы, С. П. Трубецкой, французские просветители, испанские революции, Р. Риго.

SPANISH «HINT» FOR THE DECEMBRIST (S. P. TRUBETZKOY'S JOURNEY TO PARIS)

M. S. Belousov

Article is devoted to S. P. Trubetzkoj's exposure to French political life and revolt of Riego 1820 during travel of the Decembrist to Paris. The influence of these events on folding of political developments of S. P. Trubetzkoj and preparation of revolt on December 14, 1825 is shown. The beginning of development of the Constitution by N. M. Muravyev and the plan of its use suggest that the idea of a revolt with a scenario similar to development of Riego's *pronunciamiento* began to form gradually in ideology of Decembrists. In 1825, during an interregnum, S. P. Trubetzkoj will offer the plan which reproduces basic elements of the Spanish mutiny of 1820. Thus, it is possible to draw a conclusion that the Spanish events became a «hint» for Decembrists — they prompted the scenario of implementation of their political program. Refs 29.

Keywords: Decembrists, S. P. Trubetzkoj, French enlighteners, Spanish revolutions, R. Riego.

Предлагаемая статья посвящена путешествию С. П. Трубецкого по Западной Европе. Оно длилось с июня 1819 по сентябрь 1821 гг. Большую часть времени он провел во Франции. В это время Париж был центром идеологического развития европейской цивилизации. Ведь Франция — родина просветителей, на чьих произведениях было воспитано несколько поколений начала XIX в., местопребывание основоположников либеральной идеологии, взгляды которых подчас формировали общественное мнение по ключевым вопросам политического развития.

Именно в начале 1820-х годов общественная жизнь активизировалась. Европу всколыхнула череда революций. Одна за другой вспыхнули Испания, Неаполитанское королевство, Португалия, Пьемонт, Греция. Из-за океана доносились новости о событиях в Бразилии. Один из лидеров декабристов оказался в самом эпицентре политической жизни европейской ойкумены, имел возможность лично следить за

Белоусов Михаил Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; m.belousov@spbu.ru

Belousov Mikhail Sergeevich — Ph.D, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; m.belousov@spbu.ru

восприятием целой череды переломных событий и реакцией на них. Эти наблюдения не могли не оказать влияния на его мировоззрение.

Казалось бы, путешествие С. П. Трубецкого должно было привлечь внимание исследователей движения декабристов, однако ситуация сложилась иначе. Этой поездкой заинтересовались исключительно его биографы. В 1925 г. Н. Ф. Лавров в юбилейной статье вскользь затронул данный сюжет [Лавров 1925, с. 162, 164]. Располагая лишь материалами Следственной комиссии, он датировал сроки поездки и предложил небольшой рассказ о семье жены декабриста — Е. И. Трубецкой (Лаваль). Наверное, подобный подход был продиктован исключительно скудностью источников. Совсем не упоминать о двух годах жизни протагониста биографической статьи Н. Ф. Лавров не мог, поэтому ограничился общими сведениями.

В 1936 г. И. Кологривов опубликовал биографию Е. И. Трубецкой, уделив внимание знакомству и бракосочетанию Трубецких в Париже [Кологривов 1936, с. 200–225]. В небольшом фрагменте рассматривается круг знакомств будущих супругов, приводятся сведения о русских путешественниках и эмигрантах, рассказывается об обстоятельствах помолвки и венчания. Но С. П. Трубецкой интересовал автора лишь как супруг главной героини его работы, поэтому вопрос о политических связях и контактах не затрагивался.

В 1970–1980-е годы В. П. Павлова, работая над подготовкой документального издания о С. П. Трубецком для серии «Полярная звезда», нашла и ввела в научный оборот три письма С. П. Трубецкого, адресованных А. Н. Оленину, Н. И. Тургеневу, В. Д. Олсуфьеву [Трубецкой 1987, с. 65–68]. Они представляют собой повседневную переписку на различные бытовые темы. Опираясь на эти источники и материалы допросов, В. П. Павлова уточнила датировку путешествия, предположила факт поездки С. П. Трубецкого в Женеву. Двигаясь за содержанием источников, она предприняла попытку реконструировать круг его политических знакомств. Обратила внимание на события, происходившие в Европе в этот период, но ограниченность материалов не позволила исследовать вопрос о влиянии этих событий на мировоззрение С. П. Трубецкого.

Для современной историографии громом среди ясного неба стала статья А. Г. Готовцевой и О. И. Киянской, посвященная С. П. Трубецкому [Готовцева, Киянская 2011, с. 106–139]. Авторы предлагают увлекательную историю. В мае 1819 г. Александр I инициировал назначение С. П. Трубецкого старшим адъютантом Главного штаба, чтобы поручить ему секретную дипломатическую миссию. Именно поэтому С. П. Трубецкой отправился в поездку, и не в Париж, а в Лондон. В последний момент И. Каподистрия изменил план, и только тогда С. П. Трубецкой отправился в отпуск в Париж.

Стоит отметить важность исследования перевода С. П. Трубецкого в Главный штаб и обстоятельств получения им разрешения на отпуск. А. Г. Готовцева и О. И. Киянская дополнили круг имеющихся материалов, но очевидно: предлагаемая реконструкция и предположение о секретной дипломатической миссии пока остаются именно реконструкцией и предположением. Ясные свидетельства в пользу этой гипотезы отсутствуют, а аргументы не выглядят однозначными. Поэтому вопрос посещения Лондона С. П. Трубецким все же остается открытым.

Анализ историографии показывает, что вопрос о путешествии С. П. Трубецкого рассматривался различными исследователями исключительно как сюжет его

биографии и служебной карьеры. Историки, опираясь на имеющийся скудный источниковый материал, шли путем реконструкции: стремились восстановить сроки и места пребывания, круг знакомств. Вопрос о влиянии путешествия на мировоззрение декабриста должным образом поставлен не был. Его актуализации способствует появление новых материалов. Речь идет о более полной редакции записок С. П. Трубецкого из коллекции И. А. Шляпкина и письмах С. П. Трубецкого И. Н. Толстому (1818–1823 гг.). Непосредственно к парижскому этапу биографии относятся три письма. Это сообщения, в которых наряду с дружеским общением поднимаются вопросы общественно-политической тематики.

Названные письма вполне допустимо сравнить с аналогичным источником эпистолярного характера другого декабриста — с записками В. К. Кюхельбекера о его путешествии по Западной Европе, в том числе и по Франции [Кюхельбекер 1979, с. 764]. Оба описания пестрят характерными бытовыми зарисовками. Объектами внимания являются, как правило, достопримечательности, восхищение вызывают картинные галереи, особый интерес приковывают образовательные учреждения. Сравнение дает возможность утверждать, что С. П. Трубецкому были свойственны черты и взгляды «русского просвещенного путешественника» [Андреева, Ильин 2011, с. 179].

Вместе с тем стоит подчеркнуть, что В. К. Кюхельбекер ехал в Западную Европу с желанием принять участие в общественно-политической жизни. Как отметили Н. В. Королева и В. Д. Рак, в Париже В. К. Кюхельбекер, «встречаясь со знаменитыми публицистами, учеными, литераторами, <...> и сам становится заметным явлением в культурной жизни французской столицы» [Королева, Рак 1979, с. 575]. Находясь в Париже, В. К. Кюхельбекер прочитал курс лекций о русском языке и литературе в обществе «Атеней».

С. П. Трубецкого в культурной жизни Франции, наоборот, привлекала возможность пополнить свои знания. Судя по письму И. Н. Толстому, С. П. Трубецкой уже через несколько недель после приезда внимательно ознакомился с парижскими учебными заведениями. Об этом подробно рассказал товарищу: «Лучшие профессора в *College de France*, где одни только окончательные курсы. Кроме заведений от правительства, есть и частные, например *Athenee des Sciences*; тут лучшие профессора читают лекции, и всех их можешь слышать за 120 франков в год» [Письма С. П. Трубецкого И. Н. Толстому 2011, с. 194].

Обращает на себя внимание факт признания С. П. Трубецким во время следствия того, что наиболее пристальное внимание он уделял лекциям «профессоров естественных наук, у которых слушал полные курсы» [Дело князя С. П. Трубецкого 1925, с. 8]. Он объяснял это тем, что старался углубиться в познание наук военных. Но в письме И. Н. Толстому находим другую трактовку: «Удивительно, что здесь, где беспрепятственно пишут и говорят о конституциях и правительствах, политические науки не процветают; ни в одном училище не преподают ни прав, ни финансов, ни политической экономии, ни статистики» [Письма С. П. Трубецкого И. Н. Толстому 2011, с. 195]. Это замечание, полное негодования, дает нам возможность утверждать, что важным предметом интереса С. П. Трубецкого в период путешествия было изучение общественных наук, но на следствии этот интерес оказался скрыт за вполне легальной формулировкой об изучении военных наук.

В контексте образовательной проблематики обращает на себя внимание еще один существенный фрагмент. В письме от 1/13 сентября 1819 г. С. П. Трубецкой

пишет: «В *Athenée des arts* один год читал *Benjamin Constant*, известный его *Cours de Politic*, и *Say* — политическую экономию» [Письма С. П. Трубецкого И. Н. Толстому 2011, с. 195]. Этот отрывок указывает на интерес к идеям основоположника французского либерализма периода Реставрации. Стоит отметить, что многие исследователи предпринимали попытку связать общественно-политические взгляды С. П. Трубецкого с влиянием идей Бенжамена Констана. А. Н. Шебунин подчеркивал, что «русские передовые люди этой поры уже не ограничивались мыслителями XVIII в., они испытывали на себе воздействие либеральной публицистики эпохи Реставрации» [Шебунин, л. 62]. А. Н. Шебунин выделял в движении декабристов сословно-дворянское, либеральное и демократически-якобинское течения. С. П. Трубецкого он относил к либеральному, сформировавшемуся под влиянием идей Бенжамина Констана. В. С. Парсамов, критически оценивая «схематичность концепции», соглашался с тем, что А. Н. Шебунину удалось выявить «в декабристской идеологии пласт идей, восходящих к либеральной публицистике эпохи Реставрации» [Парсамов 2010, с. 19].

В 60–70-е годы XX в. разработкой темы, в рамках революционной концепции декабризма М. В. Нечкиной, занималась О. В. Орлик. Рассматривая вопрос о влиянии французских либералов эпохи Реставрации на декабристов, О. В. Орлик отмечала, что «идейно-политическая борьба, остро разгоревшаяся во Франции вокруг проблем, поставленных революцией, имела определенное значение для формирования революционных позиций декабристов» [Орлик 1975, с. 23]. Укажем на очевидное противоречие в данной постановке вопроса: согласно О. В. Орлик, получается, что либеральная публицистика способствовала формированию революционных взглядов. Но, тем не менее, фиксация влияния идей Бенжамена Констана на эволюцию идеологии декабристов ставила перед наукой задачу обнаружения контактов между французскими публицистами и членами тайного общества, путешествовавших во Францию.

Реализацией этой задачи можно считать комментарий В. П. Павловой к фрагменту показаний С. П. Трубецкого, касающийся путешествия в Париж. На следствии С. П. Трубецкой показывал, что «с публицистами, известными лицами и с так называемой либеральной партией знаком не был», видел их лишь издали, «присутствуя в палате депутатов, где слышал некоторые речи и прения» [Дело князя С. П. Трубецкого 1925, с. 73]. И в этом же показании акцентировал, что с «Бенжаменом Констаном, Мануэлем и прочими их партии я не был ни с кем знаком и не встречался» [Дело князя С. П. Трубецкого 1925, с. 73]. В. П. Павлова предположила, что в доме Потемкиных С. П. Трубецкой действительно ни с кем не встречался, но обратила внимание, что «в качестве жениха Е. И. Лаваль в особняке маршала Лабо, в котором жила в Париже графиня А. Г. Лаваль, он не мог не встречаться с теми, кого она принимала» [Павлова 1983, с. 20]. Из этого заключения сделан вывод, что с С. П. Трубецким могла получиться такая же ситуация, как и с С. Г. Волконским, которого «еще в 1814 г. в Париже А. Г. Лаваль ввела в салон госпожи де Сталь и познакомила с Констаном, Шатобрианом и другими известными писателями» [Павлова 1983, с. 21]. В. П. Павлова привела еще один аргумент в пользу своего предположения, а именно показания М. П. Бестужева-Рюмина, который «прямо показывал, что Трубецкой “в продолжение путешествия, видаясь с публицистами <...>, узнавал их мнения об основаниях представительного порядка”» [Павлова 1983, с. 21].

По нашему мнению, данное показание М. П. Бестужева-Рюмина не может вызывать достаточного доверия. Дело в том, что М. П. Бестужеву-Рюмину принадлежит несколько небылиц о путешествии С. П. Трубецкого в Париж. В частности, М. П. Бестужев-Рюмин, ведя переговоры о присоединении Общества Соединенных Славян, сообщал им, что «в 1816 году писана была Конституция и очень хорошо обдумана, которую князь Трубецкой возил за границу, для одобрения к известнейшим публицистам» [Дело В. А. Бесчасного 1926, с. 279]. Впоследствии М. П. Бестужев-Рюмин этот сюжет объяснил пропагандистскими целями.

Таким образом, мы не можем согласиться с предположением В. П. Павловой, что С. П. Трубецкой, находясь в Париже, познакомился с Бенжаменом Констаном и другими либеральными публицистами. Источники позволяют нам лишь зафиксировать пристальное внимание С. П. Трубецкого к общественной жизни Франции. В связи с этим ценно наблюдение В. С. Парсамова, который указывал на «напряженный интерес, с которым члены тайных обществ читали и обсуждали их произведения, независимо от политической окраски авторов. Это объясняется <...> ориентированностью самих декабристов на практическую деятельность, когда важно, что говорят, а не кто говорит» [Парсамов 2010, с. 169]. Это наблюдение точнее и ближе к источнику, чем предположение о знакомстве и контактах декабристов с конкретными представителями французской «либеральной» партии. Источники указывают именно на напряженный интерес С. П. Трубецкого к реалиям общественной жизни: уже указывалось и его стремление к посещению лекций по общественным дисциплинам, прослушиванию выступлений в палате депутатов в отличие от В. К. Кюхельбекера, который стремительно ворвался в общественно-политическую жизнь Франции [Кюхельбекер 1979, с. 575]. С. П. Трубецкой с некоторым скепсисом относился к перспективам подобной активности. В письме от 2/14 марта 1820 г. И. Н. Толстому С. П. Трубецкой писал: «Общество здешнее также разделено, и хотя я от оного удаляюсь и ни с какою партию не являюсь, однако ж встречаюсь с французами, и как не удаляясь от их разговоров, но поневоле иногда на вопросы их отвечаешь, и беда, если не согласно с мыслями его партии, и не станешь вместе с ним всех других ругать, то просто тебя разругают. Хоть какого охотника спорить так отучат» [Письма С. П. Трубецкого И. Н. Толстому 2011, с. 199].

В письме этот фрагмент следует сразу за рассказом о палате депутатов. Это дало возможность Т. В. Андреевой утверждать, что «руководителей российского “Тайного общества” раздражала беспомощность, бесполезность, разобщенность депутатского корпуса нижней палаты» [Андреева 2009, с. 311]. Нам представляется, что данный комментарий не следует возводить в степень политического наблюдения. Скорее, это бытовая зарисовка путешественника. Упоминание о палате депутатов и ее различных партиях внешне напоминает рассуждение в предыдущем письме о национальном характере французов [Письма С. П. Трубецкого И. Н. Толстому 2011, с. 193–197]. Тем не менее приведенный фрагмент подтверждает ранее сделанный вывод о наличии напряженного интереса С. П. Трубецкого к французской политической жизни, но отсутствие с его стороны стремления в ней участвовать.

Важным событием для французского общества стало убийство герцога Беррийского. Покушение на жизнь старшего сына графа Карла де'Артуа (будущего Карла X), совершенное рабочим П. Л. Лувелем, всколыхнуло общественное мнение

Франции. Об этом событии С. П. Трубецкой сообщает И. Н. Толстому в письме от 2/14 марта 1820 г.: «К тому ж еще убийство Дюка де-Берри прибавило, сегодня его похороны; все журналы еще наполнены рассуждениями о его смерти и французы во всем видят погибель и разрушение» [Письма С. П. Трубецкого И. Н. Толстому 2011, с. 199]. Следует отметить, что С. П. Трубецкой обратил внимание на взаимосвязь убийства члена королевской семьи с ощущением надвигающейся революции, возникшим во французском обществе. Тем более что в период нахождения С. П. Трубецкого в Париже в Европе начинается череда революций в южных странах: Испании, Италии, Португалии. «В начале января 1820 г. парижские газеты были полны известиями о вспыхнувшей революции в Испании» [Павлова 1983, с. 20]. Эти события также отобразились в переписке с И. Н. Толстым. В письме 2/14 марта 1820 г. С. П. Трубецкой пишет: «Забыл сказать, что здесь много теперь занимаются Испанией» [Письма С. П. Трубецкого И. Н. Толстому 2011, с. 200].

Следует отметить, что в литературе не раз поднимался вопрос о значимости испанских событий для развития идеологии декабризма. П. Н. Милюков отмечал: «...Особенно сильное впечатление произвели на гвардейскую молодежь политические события в среде, им близкой: военные прунунциаменто Квируга и Риго в южной Испании» [Милюков 2001, с. 33]. Е. В. Тарле писал, что «смело можно утверждать, что в то пятилетие, 1820–1825 гг., когда созревало революционное движение в России, разразившееся 14 декабря, именно Испания стояла в центре внимания будущих декабристов» [Тарле 1958, с. 12].

О. В. Орлик обращала внимание, что «революция в Испании только упрочила веру некоторых членов “Союза Благоденствия” в идею совершения революции военной, “наподобие испанской”» [Орлик 1975, с. 70]. Близко к этой мысли наблюдение С. С. Ланды: «Русские революционеры сделали практический вывод из испанского опыта. Успешно оправдавшая себя тактика военной революции казалась им единственно возможной в условиях России» [Ланда 1975, с. 225]. М. А. Додолев, рассматривая письма П. Я. Чаадаева и П. А. Вяземского, отмечал, что испанские события действительно воспринимались как пример, который можно повторить на российской почве [Додолев 1984, с. 195].

Таким образом, многие исследователи соглашались с утверждением о влиянии испанских событий. Но ни один из упомянутых историков не поставил вопрос о форме влияния. Складывается парадоксальная ситуация: все признают влияние восстания Риго, но вопрос, в чем оно заключается, остается без ответа. Мастерски это противоречие разрешил А. Ю. Дворниченко в объемной работе по истории дореволюционной России, мимоходом обронив удачную метафору: «“Подсказкой” стали, прежде всего, события испанской революции» [Дворниченко 2010, с. 623].

Сопоставление хода испанской революции с содержанием письма С. П. Трубецкого дает возможность уточнить вопрос о форме влияния восстания Риго на декабристов. Что же произошло в 1820 г. на Иберийском полуострове? «Испанская революция происходила из альянса военных и либералов» [Palacio Atard V. 1981, p. 117] — писал В. Паласио Атард. Прологом стало восстание Экспедиционной армии. Оно началось на самом юге Испании, в окрестностях города Кадиса, где правительство сосредотачивало войска для отправки их в Южную Америку с целью подавления революционных движений в испанских колониях. В Андалусии в 1817 г. было сосредоточено 9 батальонов пехоты. Ввиду «опасности мятежа <...> войска разделили

на изолированные подразделения» [Потапов 1999, с. 75] и разместили в населенных пунктах, находящихся недалеко от Кадиса. «Экспедиционная армия сидела без пищи, обмундирования и сапог; солдаты голодали и ходили в лохмотьях; офицеры давно уже не получали жалованья; перспектива трудного похода в Южную Америку против борющихся за независимость колонистов еще более удручала войска. Недовольство правительством носило всеобщий характер» [Майский 1957, с. 112].

Ситуация усугубилась в середине 1819 г. Английский публицист Эдвард Блакиер в «Историческом обозрении испанской революции» описывает эпидемию, случившуюся в Кадисе: «Это ужасное бедствие впервые случилось с жителями <...> Одним из результатов происшествия были приостановка отправки войск в Америку и их отзыв с острова для того, чтобы изолировать от эпидемии <...>» [Blaquiere 1822, p. 282]. Экспедиционная армия находилась в критическом состоянии, и все происходящее предполагало социальный бунт. Но лидеры восстания, представители офицерства, попытались придать этому политический характер, планируя провозгласить Конституцию 1812 г. и потребовать смены правительства. Восстание должен был возглавить граф Лабисбаль. Однако он совершил предательство и на параде 7 июля арестовал некоторых участников заговора. Этим актом Лабисбаль на два месяца приостановил всякую деятельность кадисских либералов. Лишь к сентябрю 1819 г. возрождается движение.

Пронунсамиенто началось 1 января 1820 г. одновременно с трех восстаний под руководством соответственно Риего, Кироги и Лопес Баньоса. Риего 4 января захватил штаб экспедиционной армии и графа Кальдерона. 7 января объединенные силы приступили к осаде Кадиса, которая проходила безуспешно. Поэтому 27 января Риего во главе 1500 человек отправляется маршем по югу Испании для расширения революции. Силы армии иссякали, и 13 марта Риего был вынужден распустить последних солдат, остававшихся с ним. Невозможность подавить восстание привела к политическому кризису и народным волнениям в стране. В конце февраля начинаются восстания в провинциях, а 6 марта под давлением жителей Мадрида испанский король Фердинанд VII был вынужден провозгласить конституционную монархию, сформировать правительство из видных деятелей либерального движения и созвать Чрезвычайные Кортесы для внесения изменений в законодательство Испанского королевства.

Рассматривая сюжетную линию восстания Р. Риего, стоит выделить его ключевые элементы. Прежде всего отметим, что заговорщиками в качестве формального повода было использовано недовольство солдат, никак не связанное с политическими мотивами, — катастрофическое положение Экспедиционной армии в Испании. Согласно плану предполагалось поднять восстание в различных подразделениях и использовать уже мятежные части для революционизации колеблющихся полков, причем в ходе восстания провозгласить программный документ политического содержания (Кадисскую Конституцию 1812 г.). Обстоятельства вынудили объединить все силы в единую группировку и начать движение по стране, чтобы избежать столкновения с верными правительству войсками. Этот продолжающийся мятеж спровоцировал политический кризис, в результате которого король был вынужден присягнуть конституции.

Наблюдая за происходящими в Испании событиями, С. П. Трубецкой сообщает И. Н. Толстому: «Прежде боялись, что там будет резня, а теперь полагают, что все

так обойдется...» [Письма С. П. Трубецкого И. Н. Толстому 2011, с. 200]. Как видим, С. П. Трубецкого в революции отталкивает прежде всего перспектива ее перерастания в массовое кровопролитие, связанное с жестким противостоянием между существующей властью и восставшими революционерами. Именно противостояние двух лагерей и может привести к гражданской войне и человеческим жертвам.

В испанской революции С. П. Трубецкой видит нечто другое: «Думают, что если король заупрямится, то скоро его здесь увидят, ибо по получаемым известиям все отказываются повиноваться ему, если он не захочет принять Конституции и тем умерить власть свою» [Письма С. П. Трубецкого И. Н. Толстому 2011, с. 200]. Приведенная фраза показывает, что С. П. Трубецкой зафиксировал важный момент развития революционных событий в Испании: изменение существующего политического строя без столкновения революционеров с властью. С. П. Трубецкой пишет о том, что в Испании революция трансформировалась в распад государственного аппарата. Конституционный строй был провозглашен не потому, что Риго поднял восстание и захватил короля, а потому, что спровоцировал неповиновение других воинских подразделений действующему режиму. Фердинанду VII, лишившемуся опоры в армии после произошедших событий, по мнению С. П. Трубецкого, оставалось только бежать. Поэтому С. П. Трубецкой и пишет, что «скоро его здесь (в Париже. — М. Б.) увидят».

Схожесть королевской власти в Испании с государственно-крепостническим строем Российской империи и, следовательно, возможность реализации подобного сценария в России придавали особую ценность «подсказке», сделанной испанскими революционерами. Но 1820 год не стал переломным моментом в мировоззрении С. П. Трубецкого. В сентябре 1821 г. он возвращается в Россию и продолжает реализовывать просветительскую программу уже распавшегося Союза Благоденствия: активно участвует в деятельности Вольного общества учреждения училищ по методу взаимного обучения и даже становится помощником председателя [Белоусов 2012, с. 111–115].

В 1822 г. закипела деятельность по восстановлению Союза Благоденствия — создание Северного общества. Эта деятельность не мыслилась как революционная или антиправительственная, на что косвенно указывают два фрагмента из писем С. П. Трубецкого И. Н. Толстому. 1 августа 1822 г. Александр I подписал рескрипт, согласно которому все дворяне должны были дать расписку о непринадлежности к тайным обществам. В письме от 14 августа 1822 г. С. П. Трубецкой сообщает: «Здесь собирают со всего народа подписки, что не принадлежит к какому тайному обществу, и отречение не принадлежать впредь. Говорят, что один написал, что он ни масон, ни карбонарий, ни член Библейского общества. Ложи все закрыты третьего дня» [Письма С. П. Трубецкого И. Н. Толстому 2011, с. 237]. А в письме от 29 августа С. П. Трубецкой, комментируя ситуацию с подпиской, напрямую говорит: «Других глупостей нет» [Письма С. П. Трубецкого И. Н. Толстому 2011, с. 241].

Скептический тон и вычурное перечисление возможных запрещенных организаций С. П. Трубецким дали возможность Т. В. Андреевой и П. В. Ильину утверждать, что он «подчеркивал свое удовлетворение, что он не “карбонар”» [Андреева, Ильин 2011, с. 179]. То есть в августе 1822 г. С. П. Трубецкой не принимал путь вооруженной борьбы против самодержавия, а продолжал мыслить в рамках программы Союза Благоденствия.

Но в рассматриваемый период начинают появляться и новые черты в идеологии тайного общества. Н. М. Муравьев приступает к работе над Конституцией и подготавливает ее первую редакцию. О том, почему взялся за эту работу, он вполне однозначно заявит в ходе следствия: «Я полагал: 1-е. Распространить между всеми состояниями людей множество экземпляров моей Конституции, лишь только она будет мною окончена. 2-е. Произвести возмущение в войске и обнародовать оную. 3-е. По мере успехов военных, во всех занятых Губерниях и Областях приступить к собранию Избирателей, выбору Тысяцких, Судей, Местных Правлений, учреждению Областных Палат, а в случае великих успехов и Народного Вече. 4-е. Если б и тогда Императорская Фамилия не приняла Конституции, то как крайнее средство я предполагал изгнание оной и предложение Республиканского Правления» [Дело Н. М. Муравьева 1925, с. 325].

Н. Ф. Лавров, комментируя это показание, сделал вывод, что Н. М. Муравьеву «вооруженное восстание мыслилось как единственное и неизбежное средство достижения конечной цели» [Лавров 1925, с. 180]. Другими словами, Н. Ф. Лавров трактовал его как признак революционности Северного общества. Н. М. Дружинин считал, что необходимо акцентировать внимание на первом пункте плана Н. М. Муравьева, из чего делал вывод, что «мирная пропаганда, воздействие на “общее мнение”, намечалась Н. Муравьевым как важнейшая подготовительная стадия» [Дружинин 1985, с. 104]. Н. М. Дружинин считал, что Н. М. Муравьев уделял значительное внимание составлению Конституции, так как она «обеспечивала конкретную программу действий, служила орудием для привлечения сочувствующих» [Дружинин 1985, с. 104]. К. Аксенов, сопоставляя рассматриваемое показание Н. М. Муравьева с программой П. И. Пестеля, подчеркивал, что «Пестель предлагал начать революционное действие не только свержением, но и полным истреблением царствующей фамилии <...>, а Никита Муравьев мыслил себе как начальное и основное в действии общества написать конституцию» [Аксенов 1951, с. 179].

Ни один из историков не обратил внимания, что план Н. М. Муравьева точь-в-точь воспроизводил события испанской революции. Он включал в себя создание юридического документа — символа восстания, широкое распространение этого документа, провозглашение Конституции в начальный период восстания и надежду, что царская семья ее примет. С. П. Трубецкой одним из первых познакомился с этим документом и дал краткие комментарии основным его положениям. Он выступил как дружелюбный, но прагматичный критик, стремившийся «приблизить проект к обстоятельствам жизненной реальности и наполнить его конкретным политическим смыслом» [Белоусов 2011, с. 172].

В 1825 г., в период политического кризиса междоусобицы, С. П. Трубецкой предложит свой план восстания, о котором подробно расскажет на следствии [Дело князя С. П. Трубецкого 1925, с. 36–37]. Диктатор одним из первых выдвинул идею воспользоваться возмущением солдат переприсягой и направить первый восставший полк поднимать ближайший, присоединив таким образом к восстанию, после чего предполагалось вывести все восставшие части за город и ожидать начала переговоров. В ходе переговоров планировалось добиться принятия и реализации основных требований манифеста. В этом плане ясно просматривается содержание испанской «подсказки»: использовать недовольство солдат, избегать прямых столкновений с правительственными войсками, стремиться создать затяжной по-

литический кризис... Единственное, чего не хватает, так это конституции. Но работа Н.М. Муравьева завершена не была, а в бумагах С.П. Трубецкого нашли «известную записку» — Манифест к русскому народу.

В заключение подведем итоги. В 1819 г. С.П. Трубецкой отправляется в двухгодичное путешествие в Париж. Находясь в столице Франции, он пристально наблюдает за ключевыми событиями европейской политической жизни. В январе 1820 г. вспыхивает испанская революция, впечатлениями о которой С.П. Трубецкой делится в письме со своим ближайшим другом. Начало разработки конституции и план ее использования указывают, что постепенно в идеологии декабристов стала оформляться идея о восстании, сценарий которого схож с развитием пронунсиамiento Р. Риго. В 1825 г. в ходе междуцарствия С.П. Трубецкой предложит план, воспроизводивший основные элементы испанского мятежа 1820 г. Таким образом, можно сделать вывод о том, что испанские события стали «подсказкой» для декабристов сценария реализации их политической программы.

Источники и литература

1. Аксенов К. Северное общество декабристов. К 125-летию восстания декабристов. Л.: Лениздат, 1951. 320 с.
2. Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009. 911 с.
3. Андреева Т. В., Ильин П. В. Письма С.П. Трубецкого И. Н. Толстому // С.П. Трубецкой. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб.: Лики России, 2011. С. 167–183.
4. Белоусов М. С. Комментарии С.П. Трубецкого к «Конституции» Н.М. Муравьева // Вестн. С.-Петербург. гос. ун-та. Сер. 2. 2011. Вып. 3. С. 166–172.
5. Белоусов М. С. Декабрист С.П. Трубецкой: от «идеалистического патриотизма» к петербургскому восстанию: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012. 252 с.
6. Готовцева А. Г., Киянская О. И. «Человек, заслуживающий доверия»: князь С.П. Трубецкой в заговоре и на службе // Россия — XXI. 2011. № 6. С. 106–139.
7. Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М.: Весь Мир, 2010. 939 с.
8. Дело В. А. Бесчасного // Восстание декабристов. Материалы по истории восстания декабристов. Т. 5. М.; Л.: Наука, 1926. С. 261–317.
9. Дело князя С. П. Трубецкого // Восстание декабристов. Материалы по истории восстания декабристов. Т. 1. М.; Л.: Наука, 1925. С. 1–145.
10. Дело Н.М. Муравьева // Восстание декабристов. Материалы по истории восстания декабристов. Т. 1. М.; Л.: Наука, 1925. С. 287–331.
11. Додолев М. А. Россия и Испания 1808–1823 гг. Война и революция в Испании и русско-испанские отношения. М.: Наука, 1984. 268 с.
12. Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н. М. Революционное движение в России в XIX веке. Избранные труды. М.: Наука, 1985. С. 5–304.
13. Кологривов И. Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая // Современные записки. (Париж). 1936. Кн. 60. С. 204–249.
14. Королева Н. В., Рак В. Д. Личность и литературная позиция Кюхельбекера // Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. С. 571–646.
15. Кюхельбекер В. К. Путешествие // Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. С. 7–63.
16. Лавров Н. Ф. Диктатор 14 декабря // Бунт декабристов. Л.: Былое, 1926. С. 129–222.
17. Ланда С. С. Дух революционных преобразований. Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов 1816–1825 гг. М.: Мысль, 1975. 381 с.
18. Майский И. М. Испания 1808–1917. Исторический очерк. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 454 с.
19. Милюков П. Н. Роль декабристов в связи поколений // «Мы дышали свободой ...». Историки Русского зарубежья о декабристах. М.: Формика-С, 2001. С. 29–53.
20. Орлик О. В. Декабристы и европейское освободительное движение. М.: Мысль, 1975. 191 с.

21. Павлова В. П. Декабрист С. П. Трубецкой // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности / авт.-сост. В. П. Павлова. Т. 1. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. С. 3–69.
22. Парсамов В. С. Декабристы и Франция. М.: Полимед, 2010. 236 с.
23. Письма С. П. Трубецкого И. Н. Толстому 1818–1823 гг. // Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб.: Лики России, 2011. С. 183–270.
24. Потанов И. И. Рафаэль дель Риго // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 72–91.
25. Тарле Е. В. Военная революция на Западе Европы и декабристы // Тарле Е. В. Соч.: в 12 т. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 7–21.
26. Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности / авт.-сост. В. П. Павлова. Т. 2. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. 574 с.
27. Шебунин А. Н. Декабристы // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской национальной библиотеки (НИОР РНБ). Ф. 849. Оп. 1. Ед. хр. 73.
28. Blaquiere E. An historical review of the spanish revolution. London: Espasa-Calpe y Atarda, 1822. 656 p.
29. Palacio Atard V. Espana del siglo XIX. Madrid: Espasa-Calpe, 1981. 545 p.

References

1. Aksenov K. *Severnoe obshchestvo dekabristov. K 125-letiiu vosstaniia dekabristov* [Northern society of Decembrists. To the 125 anniversary of Decembrist revolt]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1951. 320 p. (in Russian)
2. Andreeva T. V. *Tainye obshchestva v Rossii v pervoi treti XIX v.: pravitel'stvennaia politika i obshchestvennoe mnenie* [Secret societies in Russia in the first third of the XIX century: Government policy and public opinion]. St. Petersburg: Liki Rossii Publ., 2009. 911 p. (in Russian)
3. Andreeva T. V., Il'in P. V. Pis'ma S. P. Trubetskogo I. N. Tolstomu [S. P. Trubetskoy's letters to I. N. Tolstoy]. *S. P. Trubetskoi. Zapiski. Pis'ma I. N. Tolstomu 1818–1823 gg.* [S. P. Trubetskoy. Notes. Letters to I. N. Tolstoy 1818–1823]. St. Petersburg: Liki Rossii Publ., 2011, pp. 167–183. (in Russian)
4. Belousov M. S. Kommentarii S. P. Trubetskogo k «Konstitutsii» N. M. Murav'eva [S. P. Trubetskoy's comments to N. M. Muravyev's "Constitution"]. *Vestn. S.-Peterb. gos. un-ta. Series 2*, 2011, iss. 3, pp. 166–172. (in Russian)
5. Belousov M. S. *Dekabrist S. P. Trubetskoi: ot «idealisticheskogo patriotizma» k peterburgskomu vosstaniui*: dis. ... kand. ist. nauk [Dekabrist S. P. Trubetskoy: from "idealistic patriotism" to the Petersburg revolt. The dissertation for the degree of candidate of historical sciences: cand. hist. sci. diss.]. St. Petersburg, 2012. 252 p. (in Russian)
6. Gotovtseva A. G., Kiianskaia O. I. «Chelovek, zasluzhivaiushchii doveriia»: kniaz' S. P. Trubetskoi v zagovore i na sluzhbe ["The person who is credible": The prince S. P. Trubetskoy in conspiracy and on service]. *Rossiiia — XXI [Russia — XXI]*, 2011, no. 6, pp. 106–139. (in Russian)
7. Dvornichenko A. Iu. *Rossiiskaia istoriia s drevneishikh vremen do padeniia samodержavii* [Russian history since the most ancient times before falling of autocracy]. Moscow: Ves' Mir Publ., 2010. 939 p. (in Russian)
8. Delo V. A. Beschasnogo [V. A. Beschastnogo's affair]. *Vosstanie dekabristov. Materialy po istorii vosstaniia dekabristov* [Decembrist revolt: Materials on Decembrist revolt history]. Vol. 5. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1926, pp. 261–317. (in Russian)
9. Delo kniazia S. P. Trubetskogo [S. P. Trubetskoy's affair]. *Vosstanie dekabristov. Materialy po istorii vosstaniia dekabristov* [Decembrist revolt: Materials on Decembrist revolt history]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1925, pp. 1–145. (in Russian)
10. Delo N. M. Murav'eva [N. M. Muravyev's affair]. *Vosstanie dekabristov. Materialy po istorii vosstaniia dekabristov* [Decembrist revolt: Materials on Decembrist revolt history]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1925, pp. 287–331. (in Russian)
11. Dodolev M. A. *Rossiiia i Ispaniia 1803–1823 gg. Voina i revoliutsiia v Ispanii i russko-ispanskii otnosheniia* [Russia and Spain 1803–1823. War and revolution in Spain and the Russian-Spanish relations]. M.: Nauka Publ., 1984. 268 p. (in Russian)
12. Druzhinin N. M. Dekabrist Nikita Murav'ev [Decembrist N. M. Muravyev]. *Druzhinin N. M. Revoliutsionnoe dvizhenie v Rossii v XIX veke. Izbrannye trudy* [N. M. Druzhinin. Revolutionary movement in Russia in the XIX century. Selected Works]. Moscow: Nauka Publ., 1985, pp. 5–304. (in Russian)
13. Kologrivov I. Kniaginia Ekaterina Ivanovna Trubetskaiia [Princess Ekaterina Ivanovna Trubetskaya]. *Sovremennye zapiski* [Modern memoir]. (Paris), 1936, book 60, pp. 204–249. (in Russian)

14. Koroleva N. V., Rak V. D. Lichnost' i literaturnaia pozitsiia Kiukhel'bekera [Personality and literary position of Kuchelbecker]. *Kiukhel'beker V. K. Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i* [V.K.Kuchelbecker. Journey. Diary. Articles]. Leningrad: Nauka Publ., 1979, pp. 571–646. (in Russian)
15. Kiukhel'beker V. K. Puteshestvie [Journey]. *Kiukhel'beker V. K. Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i* [V.K.Kuchelbecker. Journey. Diary. Articles]. Leningrad: Nauka Publ., 1979, pp. 7–63. (in Russian)
16. Lavrov N. F. Diktator 14 dekabria [Diktator on December 14]. *Bunt dekabristov* [The revolt of the Decembrists]. Leningrad: Byloe Publ., 1926, pp. 129–222. (in Russian)
17. Landa S. S. *Dukh revoliutsionnykh preobrazovani. Iz istorii formirovaniia ideologii i politicheskoi organizatsii dekabristov 1816–1825 gg.* [Spirit of revolutionary changes. From history of formation of ideology and the political organization of Decembrists of 1816–1825]. Moscow: Mysl' Publ., 1975. 381 p. (in Russian)
18. Maiskii I. M. *Ispaniia 1808–1917. Istoricheskii ocherk* [Spain 1808 1917. Historical essay]. Moscow: AN SSSR Publ., 1957. 454 p. (in Russian)
19. Miliukov P. N. Rol' dekabristov v sviazi pokolenii [Impotant of Decembrists in connection between generations]. «*My dyshali svobodoi ...*». *Istoriki Russkogo Zarubezh'ia o dekabristakh* [“We breathed freedom ...”. *Historians of the Russian Abroad about Decembrists*]. Moscow: Formika-S Publ., 2001, pp. 29–53. (in Russian)
20. Orlik O. V. *Dekabristy i evropeiskoe osvoboditel'noe dvizhenie* [Decembrists and European liberation movement]. Moscow: Mysl' Publ., 1975. 191 p. (in Russian)
21. Pavlova V. P. Dekabrist S. P. Trubetskoi [Dekabrist S. P. Trubetskoy]. *Trubetskoi S. P. Materialy o zhizni i revoliutsionnoi deiatel'nosti* [S. P. Trubetskoy. Materials about life and revolutionary activity]. Ed. by V. P. Pavlova. Vol. 1. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1983, pp. 3–69. (in Russian)
22. Parsamov V. S. *Dekabristy i Frantsiia* [Decembrists and France]. Moscow: Polimed Publ., 2010. 236 p. (in Russian)
23. Pis'ma S. P. Trubetskogo I. N. Tolstomu 1818–1823 gg. [S. P. Trubetskoy's letters to I. N. Tolstoy]. *Trubetskoi S. P. Zapiski. Pis'ma I. N. Tolstomu 1818–1823 gg.* [S. P. Trubetskoy. Notes. Letters to I. N. Tolstoy 1818–1823]. St. Petersburg: Liki Rossii Publ., 2011, pp. 183–270. (in Russian)
24. Potapov I. I. Rafael' del' Riego [Rafael del Riego]. *Voprosy istorii* [History questions], 1999, no. 6, pp. 72–91. (in Russian)
25. Tarle E. V. Voennaia revoliutsiia na Zapade Evropy i dekabristy [Military revolution in the west of Europe and Decembrists]. *Tarle E. V. Soch.* [E. V. Tarle. Writing]: in 12 vols. Vol. 5. Moscow: AN SSSR Publ., 1958, pp. 7–21. (in Russian)
26. Trubetskoi S. P. *Materialy o zhizni i revoliutsionnoi deiatel'nosti* [Materials about life and revolutionary activity]. Ed. by V. P. Pavlova. Vol. 2. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1987. 574 p. (in Russian)
27. Shebunin A. N. Dekabristy [Decembrists]. *Nauchno-issledovatel'skii otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (NIOR RNB)* [MD RNB], f. 849, op. 1, st. un. 73. (in Russian)
28. Blaquiere E. *An historical review of the spanish revolution*. London: Espasa-Calpe u Atarda, 1822. 656 p.
29. Palacio Atard V. *Espana del siglo XIX* [Spain at the beginning of the 19th century]. Madrid: Espasa-Calpe, 1981. 545 p. (in Spanish)

Статья поступила в редакцию 4 июня 2015 г.